

Адаптация женщин в ситуации навязчивого преследования со стороны бывшего интимного партнера

Краснова Т. Е.,

психолог, супервизор,
руководитель
психологического центра
“Точка Близости”,
Москва, Россия
pr.krasnova@gmail.com
SPIN-код автора: 5253-6412
<https://orcid.org/0009-0005-5436-3848>

Часть 1. Эмпирическое исследование

УДК 159.9.072

DOI: 10.25991/b6652-3428-5160-d

Аннотация

В статье представлены результаты исследования психологических защитных механизмов, копинг-стратегий и жизнестойкости у женщин, находящихся в ситуации актуального навязчивого преследования со стороны бывшего интимного партнера. Теоретической основой работы выступили представления о многоуровневой системе психической адаптации личности в условиях хронического стресса. Полученные результаты свидетельствуют о преобладании у женщин таких психологических защит, как отрицание, подавление, проекция, и интеллектуализация. В структуре совладающего поведения преобладают поиск социальной поддержки, дистанцирование, бегство-избегание и самоконтроль. Полученные результаты также свидетельствуют о связи жизнестойкости с более адаптивными способами совладания. Показано, что ситуация продолжающегося преследования формирует специфическую систему психологической адаптации, функционирующую в условиях незавершенной угрозы. Полученные данные могут быть использованы при разработке дифференцированных консультативных и психотерапевтических программ для женщин с психотравмирующим опытом навязчивого преследования, в том числе — пролонгированным и хроническим.

Ключевые слова: навязчивое преследование, психологическая травма, психологические защиты, совладающее поведение, жизнестойкость, хронический стресс, межличностное насилие.

Tatiana E. Krasnova

Psychologist, Supervisor,
Director of the Psychological
Center "Point of Proximity"
Moscow, Russia
pr.krasnova@gmail.com
Author SPIN: 5253-6412
<https://orcid.org/0009-0005-5436-3848>

Adaptation of women experienced stalking by a former intimate partner.

Part 1. Empirical research

Для цитирования:

Краснова Т. Е. (2026). Адаптация женщин в ситуации навязчивого преследования со стороны бывшего интимного партнера. Часть 1. Эмпирическое исследование. *Психология человека и социальной среды*, 1 (2), 105–113. doi:10.25991/b6652-3428-5160-d

Abstract

This article presents the results of a study examining psychological defense mechanisms, coping strategies, and resilience in women experiencing stalking—recent obsessive stalking by a former intimate partner. The theoretical basis of the study is the concept of a multi-level system of psychological adaptation under chronic stress. The results indicate a predominance of psychological defenses such as denial, suppression, projection, and intellectualization in women. Coping behaviors are dominated by seeking social support, distancing, escape/avoidance, and self-control. The results also demonstrate a link between resilience and more adaptive coping mechanisms. It is demonstrated that ongoing stalking creates a specific system of psychological adaptation that functions in the face of an unfinished threat. The findings can be used to develop differentiated counseling and psychotherapeutic programs for women with traumatic stalking experiences, including prolonged and chronic ones.

Keywords: stalking, psychological trauma, psychological defenses, coping behavior, resilience, chronic stress, interpersonal violence.

Навязчивое преследование представляет собой особую форму длительного психотравмирующего воздействия, при котором угроза сохраняет актуальность для жертвы и не имеет четкого завершения.

В зарубежных исследованиях навязчивое преследование (в англоязычной литературе используется термин «сталкинг») определяется как совокупность повторяющихся нежелательных действий, вызывающих у жертвы страх, ощущение угрозы и выраженный психологический дистресс. Показано, что сталкинг является значимым предиктором симптомов посттравматического стрессового расстройства, тревожных и депрессивных нарушений даже при отсутствии физического насилия (*Pathe, 1997; Kamphuis, Emmelkamp, 2001; Mechanic, 2008*). При этом психологические последствия продолжающегося преследования во многом сопоставимы с последствиями других форм хронической межличностной травматизации.

Наиболее психотравмирующей формой считается навязчивое преследование со стороны бывшего интимного партнера (*Blaauw, 2002*). Этот вид навязчивого преследования разворачивается в контексте ранее существовавших эмоционально близких отношений и нередко сопровождается хроническим переживанием опасности, утратой чувства безопасности и нарушением личных границ. Исследования показывают, что именно бывшие партнеры наиболее часто совершают длительное и интенсивное преследование, сочетающее психологическое давление, контроль, угрозы и различные формы вторжения в личное пространство жертвы (*Blaauw, 2002; Logan, Walker, 2017*).

Особую значимость для понимания психологических последствий навязчивого преследования приобретает категория психологической адаптации. В отечественной психологии адаптация традиционно рассматривается как процесс активного приспособления личности к изменяющимся условиям среды, обеспечивающий поддержание психического равновесия и целостности личности (*Налчаджян, 2010*).

В ситуации хронического стресса адаптационные процессы приобретают свою специфику. Преследование со стороны бывшего интимного партнера представляет собой такой вариант хронического психотравмирующего воздействия, при котором угроза сохраняет актуальность на протяжении длительного времени и препятствует завершению стрессовой реакции. В условиях продолжающегося преследования адаптационные механизмы личности функционируют в режиме постоянной мобилизации, что приводит к формированию специфических эмоциональных, когнитивных и поведенческих нарушений.

Одним из наиболее характерных проявлений хронического психотравмирующего воздействия является гипервигильность — состояние повышенной настороженности и постоянного мониторинга

окружающей среды в поиске потенциальной угрозы.

В клинической психологии гипервигильность рассматривается как один из центральных симптомов посттравматического стрессового расстройства, гипервигильность проявляется в устойчивом ожидании опасности, повышенной чувствительности к внешним стимулам, нарушениях концентрации внимания, сна и эмоциональной регуляции (*МКБ-10, 2019; DSM-5, 2013*).

В условиях продолжающегося навязчивого преследования гипервигильность может носить не только патологический, но и частично адаптивный характер, поскольку постоянная оценка уровня угрозы становится необходимым элементом обеспечения субъективной безопасности. Также длительное преследование сопровождается хронической тревогой, эмоциональным истощением и социальной дезадаптацией.

Хроническая тревога связана с непредсказуемостью поведения преследователя и невозможностью полного контроля над ситуацией. Эмоциональное истощение проявляется в снижении эмоциональных ресурсов, постоянном внутреннем напряжении, чувстве опустошенности и астенизации.

Социальная дезадаптация может выражаться в ограничении социальных контактов, избегании публичной активности, изменении привычного образа жизни и формировании устойчивого чувства изоляции. Несмотря на возрастающий интерес к проблеме навязчивого преследования, остается не изученным вопрос о механизмах психологической адаптации женщин, находящихся в ситуации продолжающегося преследования.

Большинство исследований (*Pathe, 1997; Kamphuis, 2001; Blaauw, 2002*) посвящено последствиям завершеного насилия или ретроспективному анализу травматического опыта, тогда как особенности психического функционирования личности в условиях продолжающейся угрозы исследованы не достаточно. Потребность в такого рода исследованиях остается на уровне декларируемой актуальности.

Теоретическая значимость нашего исследования заключается в расширении представлений о механизмах психологической адаптации женщин, подвергающихся длительному межличностному преследованию со стороны бывшего интимного партнера.

Практическая значимость такой исследовательской работы связана с возможностью использования полученных данных при разработке программ психологической помощи пострадавшим от навязчивого преследования, а также в консультативной и психотерапевтической практике.

Рис. 1. Теоретико-концептуальная модель исследования

Теоретико-концептуальная основа и программа исследования

Теоретической основой исследования (Рис. 1) выступают представления о многоуровневой системе психической адаптации личности в условиях хронического стресса.

В рамках данной логики механизмы психологической защиты рассматриваются как преимущественно интрапсихические и малоосознаваемые формы снижения тревоги, в то время как копинг-стратегии понимаются как осознанные способы совладания со стрессом.

Предполагается, что сочетания преобладающих механизмов психологической защиты и сознательно применяемых женщинами копинг-стратегий

как способов совладания с хроническим стрессом приобретают формы типологических структурных профилей их психологической адаптации.

Жизнестойкость при этом выступает интегративным личностным ресурсом, способствующим сохранению субъектной позиции и поддержанию психологической устойчивости в ситуации продолжающегося преследования.

Цель исследования — изучение структуры психологической адаптации женщин в условиях продолжающегося навязчивого преследования со стороны бывшего интимного партнера.

Задачи исследования:

1. Сформировать теоретико-концептуальную базу исследования.
2. Обозначить методологию и разработать программу исследования.
3. Выявить особенности психологических защит

у женщин, переживающих актуальное навязчивое преследование.

4. Определить преобладающие копинг-стратегии совладания в ситуации продолжающегося преследования.
5. Определить уровень жизнестойкости у женщин в ситуации продолжающегося навязчивого преследования.
6. Исследовать взаимосвязь между психологическими защитами, копинг-стратегиями и уровнем жизнестойкости.

Гипотезы исследования:

1. У женщин, находящихся в ситуации актуального навязчивого преследования со стороны бывшего партнера, при низком уровне жизнестойкости преобладают защитно-избегающие формы психологической адаптации.
2. Высокий уровень жизнестойкости за счет ориентации на поиск социальной поддержки и использования проблемно-ориентированных копинг-стратегий способствует сохранению субъектной позиции и поддержанию психологической устойчивости.

Методы исследования: для сбора эмпирических данных использовались качественные и количественные методы.

В диагностический комплекс вошли следующие методики:

1. полуструктурированное клиническое интервью — применялось для уточнения характера и длительности навязчивого преследования, субъективного уровня угрозы, влияния ситуации на повседневное функционирование, эмоциональное состояние участницы;
2. опросник «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Х. Келлерман, Х. Конте (1979) в адаптации НИПНИ им. Бехтерева (1999) — LSI (*Life Style Index*) — для диагностики психологических защитных механизмов личности.
3. опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана (1988) в адаптации НИПНИ им. Бехтерева (2009) — WCQ (*Ways of Coping Questionnaire*) — для исследования копинг-стратегий.
4. тест жизнестойкости С. Мадди (1984) в адаптации Д. Леонтьева и Е. Рассказовой (2006) — PVS III-R (*Personal Views Survey III-R*) — для оценки уровня жизнестойкости и личностных ресурсов адаптации.
5. завершающее интервью — проводилось с целью получения обратной связи по гипотезам и результатам исследования.

Характеристика выборки:

В исследовании приняли участие 42 женщины

в возрасте от 20 до 55 лет, подвергающиеся пролонгированному хроническому навязчивому преследованию со стороны бывшего интимного партнера, и субъективно переживающие данную ситуацию как психотравмирующую.

Под навязчивым преследованием в рамках исследования понимались повторяющиеся нежелательные действия со стороны бывшего интимного партнера, включающие навязчивые попытки контакта, слежение, в том числе по сети Интернет, контроль, угрозы, шантаж, психологическое давление и иные формы преследующего поведения.

Для проведения сравнительного анализа выборка была разделена на подгруппы в соответствии с уровнем общей жизнестойкости, определяемым по результатам теста PVS III-R С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой (2006).

Основанием для разделения выборки на подгруппы сравнения выступило медианное значение общего показателя жизнестойкости по выборке. В результате были выделены две подгруппы: участницы с относительно высокой жизнестойкостью ($n = 21$) и участницы с относительно низкой жизнестойкостью ($n = 21$). Сравнение групп проводилось с целью выявления различий в структуре психологических защит и предпочитаемых копинг-стратегий в условиях продолжающегося навязчивого преследования.

Исследование проводилось с соблюдением этических принципов психологических исследований. Участие в исследовании носило добровольный характер. Всем участницам была обеспечена конфиденциальность полученных данных.

Процедура и этапы исследования: исследование проводилось очно, в индивидуальном формате:

- на первом этапе с участницами проводилось полуструктурированное интервью, направленное на сбор социально-психологических и клинически значимых данных о ситуации преследования,
- на втором этапе проводилось психодиагностическое обследование с использованием комплекса стандартизированных методик,
- на третьем этапе проводилось завершающее интервью.

Общая продолжительность обследования каждой участницы составляла от 120 до 180 минут.

С целью исследования взаимосвязей между психологическими защитами, копинг-стратегиями и уровнем жизнестойкости применялся корреляционный анализ Спирмена.

Для сравнительного анализа подгрупп с высокими и низкими показателями жизнестойкости использовался U-критерий Манна-Уитни. Уровень статистической значимости принимался равным $p \leq 0,05$.

Результаты исследования

По результатам полуструктурированного интервью большинство участниц описывали ситуацию навязчивого преследования как состояние хронической угрозы, сопровождающееся выраженной тревогой, нарушением чувства безопасности, эмоциональным истощением и изменением повседневного поведения.

Наиболее распространенными формами преследования, являлись навязчивые звонки и сообщения — их упомянули 88,1% женщин ($n = 37$), контроль через социальные сети — 73,8% ($n = 31$), слежение — 54,8% ($n = 23$), угрозы и психологический шантаж — 47,6% ($n = 20$).

Реже встречались случаи физического появления преследователя у места проживания или работы участниц — 35,7% ($n = 15$), а также вовлечение общих знакомых и родственников в процесс контроля и давления — 28,6% ($n = 12$).

У 64,3% участниц ($n = 27$) преследование сопровождалось выраженным изменением повседневного поведения: женщины сообщали об изменении маршрутов передвижения, ограничении активности в социальных сетях, отказе от посещения определенных мест и снижении социальной активности.

У 57,1% ($n = 24$) отмечались нарушения сна, у 52,4% ($n = 22$) — постоянное ощущение настороженности и ожидания угрозы, соответствующее проявлениям гипервигильности.

Средняя временная продолжительность преследования составила 14,3 месяца ($SD = 8,6$), медианное значение — 11 месяцев; минимальная продолжительность составила 3 месяца, максимальная — 38 месяцев.

По результатам опросника LSI наиболее выраженными защитными механизмами оказались отрицание ($M = 67,4$; $SD = 11,2$), подавление ($M = 64,1$; $SD = 10,5$), проекция ($M = 61,8$; $SD = 9,7$) и интеллектуализации ($M = 59,6$; $SD = 8,9$). Умеренно выраженные показатели регрессии ($M = 56,2$; $SD = 9,1$) и замещения ($M = 53,7$; $SD = 8,4$). Наименее выраженными оказались механизмы компенсации ($M = 41,2$; $SD = 7,4$) и реактивного образования ($M = 39,7$; $SD = 6,9$).

Полученные данные указывают на преобладание защитных механизмов, связанных со снижением интенсивности эмоционального переживания и психологическим дистанцированием от травматического опыта.

По результатам WCQ наиболее высокие показатели были выявлены по шкалам: поиск социальной поддержки ($M = 61,3$; $SD = 10,1$); дистанцирование ($M = 58,7$; $SD = 9,4$); бегство-избегание ($M = 57,9$; $SD = 8,8$); самоконтроль ($M = 55,8$; $SD = 7,9$). Умеренные показатели по шкале положительная переоценка ($M = 49,8$; $SD = 8,7$). Менее выраженными оказались стратегии

конфронтации ($M = 42,6$; $SD = 7,1$) и планирования решения ($M = 46,9$; $SD = 8,3$).

У 69,0% участниц ($n = 29$) показатели по шкале поиска социальной поддержки находились в диапазоне выше средних нормативных значений, что свидетельствовало о выраженной потребности во внешней эмоциональной и инструментальной поддержке. Высокие значения по шкале избегания были выявлены у 61,9% женщин ($n = 26$), а дистанцирования — у 57,1% ($n = 24$). Высокие показатели проблемно-ориентированного копинга наблюдались только у 26,2% участниц ($n = 11$).

Средний показатель общей жизнестойкости составил 71,8 балла ($SD = 11,9$), что соответствует умеренно сниженному уровню. Наиболее низкие значения были получены по шкале контроля ($M = 22,4$; $SD = 4,6$), отражающей субъективное ощущение способности влиять на происходящие события.

У 63,1% участниц ($n = 27$) показатели общей жизнестойкости находились ниже средненормативных значений. При этом относительно сохранными оставались показатели вовлеченности ($M = 27,1$; $SD = 5,2$), тогда как компонент принятия риска имел наиболее выраженную вариативность ($M = 22,3$; $SD = 6,1$).

На основании медианного значения общей жизнестойкости выборка была разделена на подгруппы сравнения — с относительно высокой ($n = 21$) и низкой жизнестойкостью ($n = 21$).

Результаты расчетов, проведенных с помощью U-критерия Манна-Уитни, показали, что участницы с более высокой жизнестойкостью статистически значимо чаще использовали стратегию поиска социальной поддержки ($Md = 64,2$ против 55,1; $U = 144,5$; $p = 0,009$) и стратегию планирования решения проблемы ($Md = 51,8$ против 42,7; $U = 132,0$; $p = 0,004$).

В группе с относительно низкой жизнестойкостью статистически значимо чаще наблюдались стратегии бегства-избегания ($Md = 61,3$ против 51,7; $U = 138,0$; $p = 0,006$), дистанцирования ($Md = 60,1$ против 54,2; $U = 149,0$; $p = 0,012$), а также более высокая выраженность защит отрицания ($U = 146,0$; $p = 0,015$) и проекции ($U = 151,5$; $p = 0,021$).

Корреляционный анализ Спирмена выявил ряд статистически значимых взаимосвязей.

Общая жизнестойкость положительно коррелирует с планированием решения проблемы ($r = 0,48$; $p = 0,001$) и поиском социальной поддержки ($r = 0,41$; $p = 0,007$).

Отрицательные корреляции были обнаружены между жизнестойкостью и избеганием ($r = -0,44$; $p = 0,004$), дистанцированием ($r = -0,36$; $p = 0,019$).

Механизм отрицания положительно коррелирует с избеганием ($r = 0,40$; $p = 0,008$), а проекция — с дистанцированием ($r = 0,42$; $p = 0,006$).

Показатель контроля отрицательно коррелирует с регрессией ($r = -0,33$; $p = 0,032$) и вытеснением ($r = -0,35$; $p = 0,024$).

На завершающем этапе исследования проводилось краткое рефлексивное интервью, направленное на оценку субъективного восприятия участницами собственных способов совладания с ситуацией преследования.

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о частичном подтверждении гипотез исследования. Предположение о преобладании защитно-избегающих психологических защит нашло подтверждение в эмпирических данных. В то же время структура копинг-стратегий оказалась более сложной и включала не только избегающе-дистанцирующие формы совладания, но и выраженный поиск социальной поддержки, что указывает на сосуществование различных уровней психологической адаптации.

Связь жизнестойкости с более активными и проблемно-ориентированными стратегиями подтверждает ресурсную роль данного конструкта в условиях продолжающегося навязчивого преследования.

Выявленное преобладание защитных механизмов отрицания, подавления, проекции и интеллектуализации может быть интерпретировано как отражение напряженной психической регуляции в условиях длительно сохраняющейся угрозы. Данные механизмы, относящиеся к разряду как более ранних, так и интеллектуализирующих форм защиты, могут выполнять функцию краткосрочного снижения эмоциональной перегрузки и поддержания относительной психологической стабильности в ситуации хронического стресса.

Особое значение в полученных данных имеет выраженность проекции и отрицания, что может быть связано со спецификой актуального навязчивого преследования, при котором угроза не является завершенной и продолжает восприниматься как внешне обусловленная и повторяющаяся. В этом контексте защитные механизмы могут выступать не только как способ искажения реальности, но и как форма психической саморегуляции в условиях невозможности полного контроля над ситуацией.

Анализ копинг-стратегий показал доминирование поиска социальной поддержки, бегства-избегания, дистанцирования и самоконтроля при относительной редкости конфронтационного поведения и планирования решения проблемы. В целом это свидетельствует о смещении совладания в сторону эмоциональной регуляции и минимизации контакта с источником угрозы, что может быть функционально обусловлено спецификой ситуации продолжающегося преследования, при которой прямое противодействие часто ограничено или небезопасно. В этом контексте избегание и дистанцирование не могут рассматриваться исключительно как дезадаптивные стратегии,

поскольку они могут включать не только психологические формы защиты, но и поведенческие меры обеспечения безопасности, такие как изменение маршрутов передвижения, ограничение публичной активности, снижение доступности в социальных сетях и сокращение контактов с потенциально опасным объектом.

Полученные данные позволяют уточнить традиционное представление об избегании как исключительно дезадаптивной стратегии. В контексте навязчивого преследования избегающе-дистанцирующие формы поведения могут выполнять адаптивную функцию, обеспечивая снижение риска контакта с источником угрозы и поддержание базового уровня безопасности.

Выявленные корреляционные связи между жизнестойкостью, копинг-стратегиями и психологическими защитами свидетельствуют о существовании структурированной системы адаптации. Более высокий уровень жизнестойкости ассоциирован с использованием планирования и поиска социальной поддержки, а также с меньшей выраженностью избегания и дистанцирования, что указывает на сохранение субъектной позиции и большей психологической устойчивости.

Перспективным направлением дальнейших исследований может стать изучение динамики психологической адаптации при различной длительности навязчивого преследования, а также исследование факторов, связанных с хронизацией психотравматического реагирования.

Ограничения исследования

Следует учитывать, что в исследовании приняли участие женщины, добровольно обратившиеся за психологической помощью. Данный факт может свидетельствовать о большей рефлексивности, субъективном признании проблемы и потенциально более высокой мотивации к поиску поддержки по сравнению с женщинами, не обращающимися за помощью. В связи с этим полученные результаты не могут быть полностью экстраполированы на всю популяцию женщин, страдающих от навязчивого преследования. Дополнительным ограничением исследования является относительно небольшой объем выборки и использование преимущественно самоотчетных методов.

Выводы

1. Психологическая адаптация женщин в ситуации актуального навязчивого преследования характеризуется преобладанием защитно-

избегающих психологических защитных механизмов, прежде всего отрицания, вытеснения, проекции и интеллектуализации.

2. В структуре совладающего поведения доминируют стратегии поиска социальной поддержки, избегания, дистанцирования и самоконтроля при относительной редкости конфронтационного и проблемно-ориентированного копинга.
3. Избегающе-дистанцирующие формы совладания в условиях продолжающегося преследования могут рассматриваться как частично адаптивные стратегии, поскольку выполняют функцию обеспечения безопасности и поддержания субъективного чувства безопасности, т.к. направлены на снижение контакта с преследователем.
4. Жизнестойкость выступает значимым ресурсным фактором психологической адаптации и связана с более активными и проблемно-ориентированными способами совладания, а также с меньшей выраженностью избегания.

Литература

Амангелды, Т. А. (2024). Психология stalking: понимание и причины. *Научные высказывания*, (7(54)), 46–49.

Бардиер, Г. Л., Жогин, А. А., Марченко, И. А., & Сугоняко, Д. Ю. (2024). Коммуникативные девиации как часть современной коммуникативной культуры и как фактор личностного кризиса. В *Ценности как сердце культуры: Сборник материалов XXIV Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге* (22 мая — 1 июня 2024 года) (с.с. 233–244). Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Зипельмайер, О. (2020). Психосоциальное и психотерапевтическое консультирование женщин, пострадавших от stalking. *Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник*, (19), 30–39.

Налчаджян, А. А. (2009). Психологическая адаптация: механизмы и стратегии (2-е изд., перераб. и доп.). Москва: Эксмо.

Плескевич, А. В., & Ячменева, Н. П. (2025). Анализ социальных представлений о stalking. В *Психология — наука будущего: Материалы XI Международной конференции молодых ученых (Москва, 20–21 ноября 2025 года)* (с.с. 135–137). Москва: Государственный академический университет гуманитарных наук.

Сасаза, А. Р. (2019). Явление stalking как предмет психологического изучения. *Известия Кыргызской академии образования*, (1(47)), 34–36.

Сторублёнова, Е. Г., & Самуткин, В. Л. (2017). Stalking: синдром навязчивого преследования. Пробелы в российском законодательстве, (6).

Фирсова, А. Р. (2025). История становления stalking как общественно опасного явления. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, (3(164)), 209–215.

Blaauw, E., Winkel, F. W., Arensman, E., Sheridan, L., & Freeve, A. (2002). The toll of stalking: The relationship between features of stalking and psychopathology of victims. *Journal of Interpersonal Violence*, 17(1), 50–64.

doi:10.1177/0886260502017001004

Edwards, K. M., & Gidycz, C. A. (2014). Stalking and psychosocial distress following the termination of an abusive dating relationship: A prospective analysis. *Violence Against Women*, 20(11), 1383–1397. doi:10.1177/1077801214552911

Hauch, D., & Elklit, A. (2023). The psychological consequences of stalking: Cross-sectional findings in a sample of Danish help-seeking stalking victims. *European Journal of Psychotraumatology*, 14(2), 1–16. doi:10.1080/20008066.2023.2281749

Kamphuis, J. H., & Emmelkamp, P. M. (2001). Traumatic distress among support-seeking female victims of stalking. *The American Journal of Psychiatry*, 158(5), 795–798. doi:10.1176/appi.ajp.158.5.795

Logan, T. K., & Walker, R. (2017). Stalking: A multidimensional framework for assessment and safety planning. *Trauma, Violence, & Abuse*, 18(2), 200–222. doi:10.1177/1524838015603210

Mechanic, M. B., Weaver, T. L., & Resick, P. A. (2008). Mental health consequences of intimate partner abuse: A multidimensional assessment of four different forms of abuse. *Violence Against Women*, 14(6), 634–654.

Pathé, M., & Mullen, P. E. (1997). *The impact of stalkers on their victims*. *British Journal of Psychiatry*, 170(1), 12–17. doi:10.1192/bjp.170.1.12

Radley, J. J., & Herman, J. P. (2023). Preclinical models of chronic stress: Adaptation or pathology? *Biological Psychiatry*, 94(3), 194–202. doi:10.1016/j.biopsych.2022.11.004

Reference

Amangeldy, T. A. (2024). *Psikhologiya stalkinga: ponimanie i prichiny* [Psychology of Stalking: Understanding and Causes]. *Nauchnye vyskazyvaniya*, (7(54)), 46–49.

Bardier, G. L., Zhogin, A. A., Marchenko, I. A., & Sugonyako, D. Yu. (2024). *Kommunikativnye devyatsii kak chast' sovremennoy kommunikativnoy kul'tury i kak faktor lichnostnogo krizisa* [Communicative Deviations as Part of Modern Communicative Culture and as a Factor of Personal Crisis]. V *Tsennosti kak serdtse kul'tury: Sbornik materialov XXIV Svyato-Troitskikh ezhegodnykh mezhdunarodnykh akademicheskikh chteniy v Sankt-Peterburge* (22 maya — 1 iyunya 2024 goda) (ss. 233–244). Sankt-Peterburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya im. F. M. Dostoevskogo.

Zipelmayer, O. (2020). *Psikhosotsial'noe i psikhoterapevticheskoe konsul'tirovanie zhenshchin, postradavshikh ot stalkinga* [Psychosocial and Psychotherapeutic Counseling for Women Victims of Stalking]. *Sotsial'noe obsluzhivanie semey i detey: nauchno-metodicheskiy sbornik*, (19), 30–39.

Nalchadzhyan, A. A. (2009). *Psikhologicheskaya adaptatsiya: mekhanizmy i strategii* (2-e izd., pererab. i dop.) [Psychological Adaptation: Mechanisms and Strategies (2nd ed., revised and expanded)]. Moskva: Eksmo.

Pleskevich, A. V., & Yachmeneva, N. P. (2025). *Analiz sotsial'nykh predstavleniy o stalkinge* [Analysis of Social Representations of Stalking]. V *Psikhologiya — nauka budushchego: Materialy XI Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh* (Moskva, 20–21 noyabrya 2025 goda) (ss. 135–137). Moskva: Gosudarstvennyy akademicheskii universitet gumanitarnykh nauk.

Sasaza, A. R. (2019). *Yavlenie stalkinga kak predmet psikhologicheskogo izucheniya* [The Phenomenon of Stalking as a Subject of Psychological Study]. *Izvestiya Kyrgyzskoy akademii obrazovaniya*, (1(47)), 34–36.

Storublenkova, E. G., & Samutkin, V. L. (2017). *Stalking: sindrom navyazchivogo presledovaniya* [Stalking: Obsessive Pursuit Syndrome]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, (6).

Firsova, A. R. (2025). *Istoriya stanovleniya stalkinga kak*

obshchestvenno opasnogo yavleniya [History of the Formation of Stalking as a Socially Dangerous Phenomenon]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, (3(164)), 209–215.

Blaauw, E., Winkel, F. W., Arensman, E., Sheridan, L., & Freeve, A. (2002). The toll of stalking: The relationship between features of stalking and psychopathology of victims. *Journal of Interpersonal Violence*, 17(1), 50–64. doi:10.1177/0886260502017001004

Edwards, K. M., & Gidycz, C. A. (2014). Stalking and psychosocial distress following the termination of an abusive dating relationship: A prospective analysis. *Violence Against Women*, 20(11), 1383–1397. doi:10.1177/1077801214552911

Hauch, D., & Elklit, A. (2023). The psychological consequences of stalking: Cross-sectional findings in a sample of Danish help-seeking stalking victims. *European Journal of Psychotraumatology*, 14(2), 1–16. doi:10.1080/20008066.2023.2281749

Kamphuis, J. H., & Emmelkamp, P. M. (2001). Traumatic distress among support-seeking female victims of stalking. *The American Journal of Psychiatry*, 158(5), 795–798. doi:10.1176/appi.ajp.158.5.795

Logan, T. K., & Walker, R. (2017). Stalking: A multidimensional framework for assessment and safety planning. *Trauma, Violence, & Abuse*, 18(2), 200–222. doi:10.1177/1524838015603210

Mechanic, M. B., Weaver, T. L., & Resick, P. A. (2008). Mental health consequences of intimate partner abuse: A multidimensional assessment of four different forms of abuse. *Violence Against Women*, 14(6), 634–654.

Pathé, M., & Mullen, P. E. (1997). *The impact of stalkers on their victims*. *British Journal of Psychiatry*, 170(1), 12–17. doi:10.1192/bjp.170.1.12

Radley, J. J., & Herman, J. P. (2023). Preclinical models of chronic stress: Adaptation or pathology? *Biological Psychiatry*, 94(3), 194–202. doi:10.1016/j.biopsych.2022.11.004